

Император Лициний в свете пропаганды Константина Великого

Аннотация. Предметом исследования является образ римского императора Лициния, политического «долгожителя» эпохи пост-тетрархальной гражданской войны в Римской империи, соправителя, а затем и соперника императора Константина Великого. Оказавшись в тени своего великого современника, Лициний предстает по данным древних авторов слабым и неумелым правителем, однако в этом случае резонен вопрос о причинах, давших ему возможность пребывать у власти порядка 16 лет (308 – 324 гг.). Историческая традиция о Лицинии, так или иначе, писалась уже после его поражения и, следовательно, не могла обойтись без влияния пропаганды победителя, Константина Великого. Автор ищет ответы на поставленные вопросы путем тщательного анализа нарративной традиции, подкрепляя полученные данные материальными источниками (надписями и монетами). Таким образом, в основу исследовательского принципа положен комплексный анализ источников разных типов. В результате исследования автор пришел к выводу, что реальный образ Лициния, как политика, правителя, полководца, оказался почти безвозвратно заслонен пропагандой Константина. Более того, по источникам даже можно восстановить «эволюцию» образа Лициния в пропаганде Константина. Говоря о новизне научной работы, стоит отметить, что фигура императора Лициния не была предметом глубокого изучения в отечественной историографии. Между тем, по мнению автора, изучение нарративной традиции о нем имеет смысл не только (и даже, вероятно, не столько, в свете влияния на эту традицию образа и пропаганды победителя – Константина) для понимания места Лициния в римской истории, но для изучения идейной пропаганды Константина Великого, ее целей, средств, методов и результатов.

Ключевые слова: нарративная традиция, комплексный анализ, Тетрархия, император, Римская империя, Лициний, Константин Великий, Древний Рим, идеологическая борьба, идеологическая обработка.

Abstract. This article discusses the image of Roman Emperor Licinius I, political “long-liver” of the post-tetrarchy Civil War in Roman Empire, co-emperor and then rival of Constantine the Great. Being in the shadow of his great contemporary, Licinius is portrayed as a weak and incompetent ruler in some ancient literature. However, there rises a question of reasons how he could hold the power for about 16 years (308–324). Historical writings about Licinius were created after his defeat and therefore could not avoid the influence of winner’s propaganda – Constantine the Great’s. The author attempts to answer the stated questions by thorough analysis of narrative tradition and by justifying received data with material sources (inscriptions and coins). Therefore, complex analysis of various types of sources complies the research method used in this article. The author concludes that the real image of Licinius I as a politician, ruler and commander was irretrievably overshadowed by Constantine’s propaganda. Moreover, study of the sources allows to track down the changes in Licinius’ image within propaganda. While referring to the novelty of this article, one can mention that Emperor Licinius has not been fully studied before in Russian historiography. However, the author states that the study of narrative tradition about him is worth the effort not just in order to (perhaps, due to the tradition of a certain portrayal and winner’s propaganda – Constantine, this might not be counted as a reason at all) understand Licinius’ place in Roman history, but to study the ideological propaganda of Constantine the Great, its methods, goals, means and results as well.

Key words: narrative tradition, complex analysis, tetrarchy, emperor, Roman Empire, Licinius, Constantine the Great, Ancient Rome, ideological struggle, brainwashing.

Большую часть своего тридцатилетнего правления Константин Великий не был единовластным правителем: первое время ему приходилось даже бороться за право быть ключевым игроком в

борьбе за власть. Одержав победу над Максенцием в 312 году и заполучив древнюю столицу Римской империи, он, тем не менее, еще больше десяти лет правил совместно с Лицинием, который был ему то другом, то врагом. В конеч-

ном итоге, Константину удалось уничтожить всех соперников: в 324 году, по словам Евсевия, император «всю Римскую державу, как в старину, подчинил единой власти...» (Hist. Eccl. X.9.7). Восемнадцать лет гражданских войн и шаткого мира (306 – 324 гг.) – очень важный период в жизни Константина, и не только потому, что за эти годы окончательно сформировалось его политическое мышление, приведшее к той специфической форме государственного устройства, которую Моммзен назвал «монархией Константина» [7, с. 474]. На наш взгляд, этому периоду Константина во многом обязан своим титулом «Великий»: пришедши к власти как один из претендентов на полное ее обладание, он сумел не просто победить своих соперников, но и представить себя в выгодном свете на их фоне в такой степени, что первый опыт критической оценки его личности стал возможен только лишь через четверть века после его смерти, в правление его племянника, Юлиана Отступника [14, с. 5]; [15, с. 4].

Из всех соперников Константина «политическим долгожителем», как мы отметили выше, оказался Лициний (308 – 324 гг.). Настоящую статью мы намерены посвятить вопросу о том, каким изображался этот император в пропаганде своего могущественного соперника, и насколько эта пропаганда оказала влияние на последующую нарративную традицию о Лицинии.

Пути Константина и Лициния не пересекались до 308 года, когда последний, являясь другом и доверенным лицом Галерия, был провозглашен августом. Это назначение, совершенное вопреки конституционным основам тетрархии, не могло не задеть чувств Константина [7, с. 491], который, будучи признанным цезарем (младшим императором) Запада, имел все надежды на титул августа. Затаенную обиду мы можем только предполагать, так как уже около 309 года на монетах Константина появляется имя Лициния (RIC. Vol. VI. Treveri, p. 220), а в 311 году мы видим, что Константин и Лициний объединяются в борьбе против Максенция и Максимиана Дазы соответственно. Союз был скреплен помолвкой Лициния с сестрой Константина [13, с. 294], а на 312 год они обоюдно были провозглашены консулами [3, с. 234].

28 октября 312 года Константин победил Максенция, а следующий год ознаменовался победой Лициния над Максимином Дазой. Наиболее близкий к указанным событиям повество-

вательный источник – это трактат Лактанция «О смертях гонителей». Создавая свое произведение по горячим следам [9, р. 39], автор, талантливый христианский ритор, завершает повествование на патетической ноте триумфа соправителей. Однако главные герои Лактанция отнюдь не равноценны для автора. Победу Константина Лактанций прочно связывает с «великой радостью сената и народа Рима» (De mort. pers. 44.10), победа же Лициния ознаменовалась целой чередой казней. Были убиты жена покойного императора Галерия, Валерия; его сын Кандидиан; сын императора Флавия Севера; жена, восьмилетняя дочь и семилетний сын императора Максимиана Дазы. И хотя Лактанций именует убитых «нечестивцами», а их смерть – итогом «верного и справедливого суда Божьего» (De mort. pers. 50.7), все же сама по себе кровавая сцена очень показательна, а замечание, что убитые боялись Лициния «как зла» (De mort. pers., 50, 5), еще больше усугубляет смущение. Кажется не лишней основания мысль, что Лактанций писал не столько прославление, сколько предостережение Лицинию [2, с. 1735]. Отдельно заметим, что вступление Константина в Рим также сопровождалось весьма показательной акцией, а именно демонстрацией отрезанной головы Максенция. Аноним Валезия пишет: «На следующий день его (Максенция) тело было вытасковано из Тибра, и голова его была доставлена в Город» (Origo 4.12). Однако Лактанций об этом молчит.

То, что после победы над врагами оставшись единственными властителями Римской империи, императоры стали охладевать друг к другу, кажется несомненным. Во всяком случае это верно применительно к Константину, умонастроение которого нам известно благодаря Евтропию: «Константин, муж выдающийся и стремящийся исполнять все, что было им задумано, горячо желал быть первым во всем круге [земном]...» (Brev. X.5). Таким образом, сочинение Лактанция, близкого к Константину человека [8, с. 10 – 11]; [15, р. 9], могло стать первым сигналом начавшегося разрыва между соправителями.

Осенью 314/316 (относительно даты есть сомнения: [9, р. 36]; [11, р. 87]) разразилась первая война между Константином и Лицинием. Ей предшествовала мощная идеологическая кампания, отголоски которой хорошо заметны в нарративной традиции. Аврелий Виктор пишет, что Константин «своих врагов оставлял в почете,

при своем имуществе и принимал [в друзья]», а также отменил «старинный и ужаснейший вид казни» через распятие с перебиванием голеней, что сыскало ему славу человека благочестивого, в то время как Лициний применял казни и пытки даже в отношении «невинных и известных философов» (De caes. 41.4-5). У Псевдо-Аврелия Виктора, наравне с вполне адекватной (хотя и весьма скудной) характеристикой, содержится и следующий, поражающий своей комичностью факт: будто бы плохо образованный, император называл науки «ядом и погубелью для общества» (Eritome de caes. 41.8-9). Такая деталь идеально контрастирует с просвещенным образом жизни Константина: Евтропий указывает, что Константин хорошо разбирался в свободных искусствах и науках (Врев. X.7.2); ему вторит все тот же Псевдо-Аврелий Виктор: «Он поддерживал свободные искусства, – и прежде всего литературные занятия, много читал, писал и размышлял...» (Eritome de caes. 41.14).

Особо стоит отметить антихристианскую политику Лициния. Первоначально «защитник благочестия» наравне с Константином (Euseb., Hist. Eccl. IX.9.12), он затем обнаруживает симпатии к язычеству, а после и вовсе становится гонителем. История его отказа от поддержки христианства описана тем же самым Евсевием уже в X книге «Церковной истории» и «Жизни Константина»; она закрепились у христианских авторов, так что и через сто лет Орозий сообщает, что Лициний «охваченный внезапным бешенством приказал изгнать из дворца своего всех христиан» (Hist. VII.28.18). Из этого можно сделать вывод, что пропаганда Константина, скорее всего, увещевала языческую часть общества казнями философов и достойных лиц, в глазах же христианской аудитории Лициний, которому у Лактанция являлся ангел Божий (De mort. pers. 46.3), теперь стал гонителем.

Интересен и непосредственный повод к войне, суть которого изложена у Анонима Вalezия. Константин решил создать буферное образование между своей территорией и владениями Лициния – с этой целью им была выбрана Италия, а в качестве кандидата – некий сенатор Бассиан, супруг сводной сестры Константина, Анастасии. Лициний, однако, отказался и смог подговорить брата Бассиана, Сенециона, к составлению заговора против Константина. Последний, узнав о заговоре, казнил Бассиана и потребовал от Лициния выдачи Сенециона,

однако Лициний не выполнил требований и разрушил в городе Эдмона, на границе с владениями Константина, статуи последнего (Origo 5.14-15). Таким образом Константин как будто выступал за возвращение к многовластию и скрывал свои агрессивные настроения. В случае принятия Лицинием назначения Константин составил бы династический триумvirат, выступая тестем по отношению к двум своим коллегам. Более того, в контексте грядущей войны Константин приобрел бы обремененного титулом союзника, который, являясь его зятем, был бы обязан лично ему своим возвышением. В случае, если бы Лициний отверг это назначение – как это и произошло, – Константин получал формальный повод для начала боевых действий: Лициний, также его зять, обнаруживал свое нежелание идти на диалог. Таким образом, оба возможных варианта решения этой задачи ставили Лициния перед необходимостью войны: в первом случае он сам загонял себя в невыгодное положение, во втором – открыто называл себя агрессором.

В подобном духе, как кажется, было обставлено и начало второй войны в 323 – 324 гг. В начале 323 года во Фракию и Мёзию вторглись готы, – над ними Константин одержал уверенную победу, что, однако, было встречено сетованиями Лициния, заявившего о нарушении территориальной неприкосновенности (Origo 5.21) [4, с. 139]. Сознательно ли Константин зашел на «чужую» территорию [7, с. 497], или это было вызвано военной необходимостью, – в любом случае, ситуация была на руку Константину: в то время как он показал себя достойным защитником отечества от варварского вторжения, Лициний проявил лишь свои собственные амбиции.

Константин Великий вошел в римскую историю и как выдающийся полководец [12, р. 248]; [16, р. 92]; образ успешного военного лидера занимает далеко не последнее место в пропаганде этого императора [1, с. 127]. В этой связи интересно посмотреть, как позиционировал себя Константин во время боевых действий против Лициния, и как последний выглядел на этом фоне. Из всех хронологически близких к эпохе Константина нарративных источников наиболее обстоятельная картина этой войны, прерывавшейся шатким миром, представлена у Анонима Вalezия. Автор противопоставляет нерешительность и суетливость Лициния железной воле Констан-

тина. Лициний проигрывает, имея численное преимущество (битва при Кибалах – Origo 5.16; битва при Адрианополе – Ibid. 5.24); он все время возит за собой свою сокровищницу (Origo 5.17; 27), провозглашает соправителями случайных людей из своего окружения (Валента – Origo 5.17; Мартиниана – Origo 5.25), униженно просит мира, обещая согласиться на любые условия (Origo 5.18). На фоне такого соперника Константин выглядит просто блистательно, – всякий раз он обращает войска Лициния в бегство (Origo 5.16; 24; 27). Светский аспект пропаганды соседствует и с религиозной окраской. По подвластным Лицинию городам видели призраки воинов Константина (Euseb., Vita Const. II.6), сам же Лициний представлен общающимся с «магами» (ὑόητες – Ibid. II.11). Последняя, явно рассчитанная на христиан деталь, является удачным повторением устоявшейся модели, когда враг Константина – гонитель: так, «волхвовавшим» был представлен и Максенций у Лактанция.

То, что Константин был не только талантливым полководцем, но и отважным воином, доказывают примеры, собранные, как ни парадоксально, весьма критично настроенным по отношению к нему Зосимом. Так, этот автор сообщает, что исход битвы при Кибалах был определен во многом благодаря прорыву на правом фланге, которым Константин командовал лично (Hist. Nov. II.18.4). К истории кампании 324 года относится эпизод, когда Константин, имея намерения взять Адрианополь, вначале отвлек соперника обманным маневром, после чего лично возглавил неожиданную атаку, форсировав реку Гебр в сопровождении всего двенадцати всадников (Hist. Nov. II.22.6). Однако все же сам затяжной характер противостояния обнаруживает определенную мощь Лициния. Более того, из других источников нам известно, что победа досталась Константину отнюдь не легко: противники достигали патовой ситуации [5, с. 429], а Лициний порой все же был способен совершить удачный маневр и дать отпор [7, с. 497]. В этой связи понятно, что Константин, уже будучи победителем, был намерен представить свое противостояние с Лицинием в несколько ином, более динамичном, виде. Так, у Евсевия в «Жизни Константина» противостояние с Лицинием в период 314/316 – 324 гг. скомкано: коварно испросив мира, Лициний предостерег своих воинов бороться в виду крестного

знамени, под которым в битву вступало войско Константина; после этого Лициний сразу же «устремился вступить в сражение» (Vita Const. II.16). Таким образом, временной промежуток почти в десять лет описан в одной фразе. Отзвуки этого подхода мы встречаем и у Псевдо-Аврелия Виктора. В его изложении Константин после битвы при Кибалах ночью ворвался в лагерь Лициния, обратил его в бегство (событие 314/316 года); Лициний «бегом достиг» Византия, где провозгласил соправителем Мартиниана (событие 324 года!); после этого Константин одерживает уже окончательную победу (Epitome de caes. 41.5-7).

Подводя итоги нашему обзору, мы можем сказать, что образ Лактанция в нарративной традиции тесно связан и во многом навеян пропагандой Константина – нарративной традиции, происходящей из лагеря Лициния, мы не имеем [6, с. 6 – 7]. Будучи союзником Константина, Лициний представлялся в соответствующем свете: у раннего Евсевия (в «Церковной истории», кроме X книги) и Лактанция он защитник христианства и «гонитель гонителей» в равной с Константином мере. Однако уже у второго автора появляются элементы, которые свидетельствуют об изменении идейного вектора Константина: теперь его соправитель не друг ему, но соперник. Таким образом, отношения с Константином определили облик Лициния; динамика развития этих отношений определила эволюцию образа от «образца добродетели и благочестия» до «порочного чудовища», если пользоваться удачными определениями Т. Барнса [9, р. 29]. Нельзя не отметить изощренность этой дискредитации: Лициний изображается как убийца философов, тупоумный невежа, гонитель; когда война стала приобретать затяжной характер, что отражало недостаточность военных сил Константина, Лициний стал изображаться неспособным к войне, – хотя ему пришлось сражаться как с врагами внутренними (Максимином Дазой), так и с внешними. Надписи фиксируют его победную титулатуру: «Непобедимый Август» (ILS 678) и «Сарматский Величайший, Германский Величайший» (ILS 679). В конечном итоге, пропаганда Константина оказалась даже чрезмерной. Лициний благодаря ей стал выглядеть столь ничтожным, что Юлиан в 361 году высмеивал победу Константина, называя его противника «ничтожным и ослабевшим от старости» (Caes. 329a).

Библиография:

1. Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1994. 270 с.
2. Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А.И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2005. Т. 3. 616 с.
3. Бикерман Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и Античность / Пер. с англ. И.М. Стеблин-Каменского. М.: Издательство «Наука», 1975. 336 с.
4. Буданова В.П. Готы в эпоху великого переселения народов. СПб: Алетейя, 1999. 319 с.
5. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина: Историческая б-ка Бека. Том 2. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. 512 с.
6. Коптелов Б.В. Император Лициний на переломе эпох. М.: Языки славянской культуры, 2008. 132 с.
7. Моммзен Т. История римских императоров / Пер. с нем. Т. А. Орестовой. СПб.: Ювента, 2002. 642 с.
8. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб: «Издательство Олега Абышко», 2005. 288 с.
9. Barnes T.D. Lactantius and Constantine // The Journal of Roman Studies, Vol. 63 (1973). Pp. 29 – 46.
10. Bonamente G. Minor latin historians of the fourth century A.D. // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D / Edited by Gabriele Marasco. Brill. Leiden – Boston, 2003. X, 542 pp.
11. Ehrhardt C. Monumental Evidence for the Date of Constantine's First War against Licinius // Ancient World, № 23 (1992). Pp. 87 – 94.
12. Jones A.H.M. Constantine and the conversion of Europe. The English Universities Press Ltd. 1965. Pp. 271
13. Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: Darmstadt, 2004. 399 s.
14. Lenski N. Introduction // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Edited by Noel Lenski. Cambridge University Press, Cambridge and New York, 2006. Pp. 1 – 13.
15. Odahl Ch. M. Constantine and the Christian Empire. Routledge: Taylor & Francis Group. London and New York. Taylor & Francis e-Library, 2010. 410 pp.
16. Pohlsander H. The Emperor Constantine. Routledge: Taylor & Francis Group. London and New York. Taylor & Francis e-Library, 2004. 122 pp.

References (transliterated):

1. Abramzon M.G. Rimskaya armiya i ee lider po dannym numizmatiki. Chelyabinsk: Chelyabinskii gos. un-t, 1994. 270 s.
2. Al'brekht M. fon. Istoriya rimskoi literatury / Per. A.I. Lyubzhina. M.: «Greko-latinskii kabinet» Yu.A. Shichalina, 2005. T. 3. 616 s.
3. Bikerman E. Khronologiya Drevnego mira. Blizhnii Vostok i Antichnost' / Per. s angl. I.M. Steblin-Kamenskogo. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1975. 336 s.
4. Budanova V.P. Goty v epokhu velikogo pereseleniya narodov. SPb: Aleteiya, 1999. 319 s.
5. Krist K. Istoriya vremen rimskikh imperatorov ot Avgusta do Konstantina: Istoricheskaya b-ka Beka. Tom 2. Rostov-na-Donu: Izd-vo «Feniks», 1997. 512 s.
6. Koptelov B.V. Imperator Litsinii na perelome epokh. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. 132 s.
7. Mommzen T. Istoriya rimskikh imperatorov / Per. s nem. T. A. Orestovoi. SPb.: Yuventa, 2002. 642 s.
8. Tyulenev V.M. Rozhdenie latinskoi khristianskoi istoriografii: S prilozheniem perevoda «Tserkovnoi istorii» Rufina Akvileiskogo. SPb: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2005. 288 s.
9. Barnes T.D. Lactantius and Constantine // The Journal of Roman Studies, Vol. 63 (1973). Pp. 29 – 46.
10. Bonamente G. Minor latin historians of the fourth century A.D. // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D / Edited by Gabriele Marasco. Brill. Leiden – Boston, 2003. X, 542 pp.
11. Ehrhardt S. Monumental Evidence for the Date of Constantine's First War against Licinius // Ancient World, № 23 (1992). Pp. 87 – 94.
12. Jones A.H.M. Constantine and the conversion of Europe. The English Universities Press Ltd. 1965. Pp. 271
13. Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Wissenschaftliche Buchgesellschaft: Darmstadt, 2004. 399 s.
14. Lenski N. Introduction // The Cambridge Companion to the Age of Constantine / Edited by Noel Lenski. Cambridge University Press, Cambridge and New York, 2006. Pp. 1 – 13.
15. Odahl Ch. M. Constantine and the Christian Empire. Routledge: Taylor & Francis Group. London and New York. Taylor & Francis e-Library, 2010. 410 pp.
16. Pohlsander H. The Emperor Constantine. Routledge: Taylor & Francis Group. London and New York. Taylor & Francis e-Library, 2004. 122 pp.